

К ОБСУЖДЕНИЮ ВОПРОСА ОБ ОМОНИМАХ

(Обзор статей, поступивших в редакцию)

Статья В. И. Абаева «О подаче омонимов в словаре» (ВЯ, 1957, № 3) вызвала ряд откликов наших читателей. Отмечая достоинства статьи — своевременность постановки вопроса, удачно подобранные примеры ошибок и непоследовательностей в словарях, остроумие автора и боевой тон его изложения, — читатели в то же время выражают несогласие с основным тезисом статьи В. И. Абаева и с избранной им системой аргументации. Отмечается, что, несмотря на видимую простоту и ясность основного тезиса статьи, автор впадает в противоречие с самим собою. Так, Е. И. А м о с е н к о в а (Ленинград) пишет: «В. И. Абаев не признает омонимами слова, возникшие на базе разошедшихся значений одного и того же слова. По его мнению, истинными омонимами являются лишь те созвучные слова, которые ни в какую историческую эпоху не имели генетической связи. Основываясь на этих положениях, автор неоднократно подчеркивает, что между омонимами и полисемией нет ничего общего. Отметим, однако, что сам В. И. Абаев как бы допускает возможность существования омонимов, образовавшихся в результате сильно разошедшихся значений одного слова. „Но обычно, — пишет он, — это имеет место в тех случаях, когда начало дифференциации значений находится за пределами засвидетельствованной истории данного языка, когда на протяжении всей истории языка разошедшиеся значения мыслились уже как разные слова” (ВЯ, 1957, № 3, стр. 33—34)¹. Это положение автора вызывает ряд недоуменных вопросов. Если дифференциация возможна, то почему ее начало выносится за пределы засвидетельствованной истории? Далее, если дифференциация фактически установлена, то как же этот исторический факт может быть за пределами засвидетельствованной истории?» Это противоречие в статье отмечает и А. А. Неёлов (Орджоникидзе).

Читатели указывают далее на упрощенность основной идеи статьи: ее автор не интересуется современное состояние лексической системы того или иного языка, сложные и изменчивые соотношения слов и их значений; понимая омонимы как категорию далекой истории языка, В. И. Абаев требует, чтобы и все другие приняли эту точку зрения. Однако в вопросе об омонимах (как, впрочем, и в других вопросах языковой системы) следует строго различать историю языка и его современное состояние. Приводя примеры «семантических омонимов» (*месяц* — «луна» и *месяц* — $1/12$ часть года; *совет* — «наставление» и *совет* — «орган государственной власти» и др.), С. М. П о т а п о в (Вильнюс) пишет: «С точки зрения исторической лексикологии каждая приведенная пара слов есть не что иное, как выражение разных значений одного слова, с точки же зрения говорящих на русском языке сейчас это разные слова»².

«В основе ошибочных утверждений В. И. Абаева по поводу полисемии и омонимии, как нам кажется, лежит неверное понимание им соотношения синхронии и диахронии в языке, — пишет А. А. Неёлов. — В. И. Абаев склонен чисто отрицать возможность синхронного подхода к изучению языковых явлений. Между тем понятия омонимии и полисемии относятся к „синхронным“ лингвистическим понятиям. В са-

¹ Далее в скобках указываются страницы этого номера журнала.

² См. также: С. М. П о т а п о в, К вопросу об омонимах, «Уч. зап. [Вильнюск. гос. н-та]», XXVI, Языкознание, I, 1958, стр. 225—226.

мом деле, что мы имеем в виду, когда говорим, что какие-то два слова являются по отношению друг к другу омонимами? Очевидно, только то, что эти слова одинаково звучат в данный момент развития языка. Ведь бесспорные и для В. И. Абаева омонимы современного языка очень часто не были омонимами несколько веков тому назад. Следовательно, омонимия есть явление по сути своей синхроническое. То же самое можно сказать и о полисемии: говоря, что слово полисеманлично, мы имеем в виду, что в данный момент истории языка оно обладает несколькими значениями. В прошлом оно могло быть однозначным, теоретически оно может стать однозначным в будущем, но сейчас мы констатируем множественность значений. Сам термин „полисемия” предполагает единовременное сосуществование соотнесенных между собой значений одного слова, рассматриваемого как элемент наличествующей в сознании носителей языка лексической системы. Поэтому представляется весьма неудачной попытка представить омонимию в виде двух параллельных линий, а полисемию — в виде пучка прямых, выходящих из одной точки. Судя по контексту, таким наглядным способом В. И. Абаев пытается представить не омонимию как определенное соотношение между словами и не полисемию как единовременную характеристику семантической структуры слова, а процессы развития омонимии и полисемии. Но в таком случае почему же омонимия представлена как две параллельных — разве то, что мы сейчас считаем омонимами, всегда было омонимами? Или если при помощи параллельных линий автор хочет изобразить не тождество форм внешнего материального выражения двух слов, а просто их независимое существование, то почему же он не считает возможным изобразить в виде параллельных линий дальнейшее развитие двух омонимов, возникших в результате полного исчезновения исходного значения, вскрываемого лишь исторически? Ведь тогда, если использовать малоудачный графический образ В. И. Абаева, нужно будет только убрать из схемы развития полисемии точку выхода пучка прямых линий; при продолжении лишь в одну сторону эти прямые также нигде не пересекутся и в этом своем качестве будут совершенно подобны параллельным». «В. А. Абаев намного упрощает схему исторического развития омонимии и полисемии,— пишет Я. Г. Б и р е н б а у м (Улан-Удэ).— Он так очарован линиями своих схем, что забыл, что дело идет не об абстрактной эвклидовой геометрии, а о живом языковом развитии».

Убедительные материалы о возникновении семантических омонимов на основе полисемии во французском языке приводит Е. И. Амосенкова. Она пишет, что историческое изучение лексики устанавливает разнообразные причины возникновения семантических омонимов. К ним относятся: 1) изменения, происходящие в общественной жизни; 2) утрата словом первоначального значения или архаизация одного из значений слова, которое являлось связующим звеном в цепи разнообразных значений слова; 3) использование слова, уже бытующего в языке, для наименования специального понятия.

1. Изменения, происходящие в общественной жизни народа, могут оказаться одной из причин появления лексических омонимов. Например, определенные общественно-политические условия в жизни французского народа оказались непосредственной причиной появления в XIX в. нового значения у слова *grève*, которое издавна существовало в значении «песчаный берег моря, реки». В словарном составе современного языка слова *grève* в значении «песчаный берег» и *grève* в значении «забастовка», несомненно, являются омонимами. Употребление слова *grève* в значении «стачка» началось в XIX в. Парижские рабочие прекращали работу и собирались на Гревской площади на берегу Сены, где обсуждали свои требования

предприимателям. Постепенно прекращение работы на заводах и фабриках стало ассоциироваться с выходом рабочих на эту площадь, которая называлась *La place de Grève* или просто *La grève*. Затем в словарном составе французского языка появляются выражения типа *faire grève, être en grève, se mettre en grève*, означающие «прекращать работу», «бастовать». Новое значение слова *grève* первоначально могло выступать как фразеологически связанное, а затем оформилось как свободное номинативное значение. Следующим шагом, свидетельствующим о нарушении смыслового единства, является появление производных на базе слова *grève* в его новом значении. Так, в конце XIX в. в лексике французского языка появляется производное слово *gréviste* в значении «забастовщик». В современном французском языке вошло в употребление сложное слово — калька *briseur de grève* «штрейкбрехер» (ср. нем. *Streikbrecher*), а также возникают многочисленные сочетания со словом *grève*, как-то: *grève générale* «всеобщая забастовка», *grève perlée* «итальянская забастовка», *grève politique* «политическая забастовка».

2. Распад полисемии слова и образование омонимов может произойти в результате архаизации первоначального значения слова. Этот тип образования омонимов можно проследить на примере исторического развития французского слова *timbre*. Слово это появилось в словарном составе французского языка в XII в. и употреблялось в качестве наименования особого рода барабана. В дальнейшем смысловое развитие слова *timbre* идет по двум направлениям: слово используется для обозначения церковного колокола и для наименования колокольчика, который вешали у ворот дома. В XIV в. *timbre* перестает употребляться в своем первоначальном значении. Вскоре на его основе возникают два смысловых центра, которые становятся источником дальнейшего семантического развития данного слова. *Timbre* в его значении «церковный колокол» стало употребляться как «звук колокола», а затем в более общем значении — «звук любого инструмента или голоса». Второе же производное значение слова *timbre* — «металлический колпачок» — в средние века послужило базой для образования производного, обозначающего «часть шлема, которая имела форму колпачка». Обычно эта часть шлема изображалась на самом верху щита феодала и украшалась каким-либо предметом, указывающим на знатное происхождение и титул владельца. Таким образом, в итоге своего семантического развития слово *timbre* во времена средневековья получает значение «герб». Затем, в XVIII в. это слово употребляется в значении «государственной гербовой печати». В середине XIX в. *timbre* начинает употребляться в смысле «почтовая марка». В современном французском языке нет смысловой связи между значениями «тембр голоса» и «почтовая марка»; мы имеем здесь дело с семантическими омонимами, образовавшимися в результате утраты словом его первоначального значения.

К этому типу примыкают случаи образования слов-омонимов вследствие полной утраты одного из значений многозначного слова. Примером могут служить слова *assiette* «положение, посадка» и *assiette* «тарелка», которые в современном французском языке являются омонимами. Однако исторически между этими значениями существовала смысловая связь, которая с течением времени оказалась утраченной. Слово *assiette* появилось в словарном составе французского языка в значении «посадка, положение». В ходе развития языка слово *assiette* расширяет круг фразеологических связей и начинает употребляться в тех случаях, когда речь идет о месте расположения города, лагеря. Расширяя свои фразеологические связи, слово *assiette* стало употребляться в переносном значении, когда речь шла о состоянии духа. На этом процесс образования производных значений

не прерывается, и в XIV в. *assiette* начинает употребляться в значении «расположение гостей за столом». Появление этого нового значения не нарушало смысловой цельности слова *assiette*, поскольку и в этом случае речь шла о местоположении. Последующее развитие слова шло по линии образования производных значений на основе этого нового значения, и в XVII в. *assiette* стало употребляться в значении «тарелка». Впоследствии на базе этого значения слова *assiette* появились различные фразеологические сочетания: *piquer l'assiette*, *pique-assiette*. Первоначально это производное значение было связано с исходным значением слова *assiette* «положение» через промежуточное значение «место приглашенного за столом», но постепенно с утратой промежуточного значения связь эта оказалась нарушенной, что и способствовало оформлению этих двух значений в самостоятельные слова-омонимы.

3. Общеупотребительные слова используются для называния различных научно-технических понятий на основе сходства внешних признаков. Если легший в основу наименования признак оказывается чисто внешним, несущественным, смысловая связь нарушается и исходное слово и производный от него термин оказываются омонимами. Так, словом *grue* во французском языке первоначально обозначался только определенный вид птицы — журавль. Во второй половине XV в. была изобретена машина для подъема тяжестей, которая внешне напоминала журавля и в связи с этим получила название *grue*. Слово-термин *grue* в этом новом значении широко употребляется в современной научно-технической литературе. Однако понятия, лежащие в основе значений этих двух слов, принадлежат к слишком разобобщенным сферам и не имеют точек соприкосновения. Несомненно поэтому *grue* в значении «журавль» и *grue* в значении «подъемный кран» являются омонимами, о чем свидетельствует возникновение на основе слова-термина производного *gruttier* «крановщик». В технике известны различные виды подъемных кранов, например, *grue à flèche fixe* «кран с укрепленной стрелой», *grue à flèche relevable* «кран со снимающейся стрелой», *grue pivotante* «поворотный кран», *grue de hissage* «подъемный кран».

Для доказательства возникновения омонимов на основе полисемии А. А. Неёлов приводит материалы из истории английского языка. Он пишет: «В английском языке издавна существует слово *game* (др.-англ. *gamen*), имевшее и продолжающее иметь основное значение «игра, развлечение». В письменности впервые оно было зарегистрировано в этом значении еще в Беовульффе. В дальнейшем это существительное накапливало многие второстепенные значения; в частности, в XIII в. оно было впервые употреблено в письменности в значении «охота». Это второе, производное значение закрепляется в языке. На его основе в конце того же XIII в. возникло еще одно производное значение слова *game*: «дичь как предмет охоты». Долгое время все эти три значения сосуществуют в языке. Каждое из них при этом оказывается вовлеченным в сложные и малоизученные исторические отношения как друг с другом, так и с другими соотносимыми элементами английской лексики — со своими синонимами (*sport*, *amusement*, *contest*, *play*; *hunt*, *hunting*, *chase* *wildfowl*, *gamebird*), со своими производными (*gamble*, *gaming*, *gamester*, *gamy*, *gambler*), созданными на их основе сложными словами (*game-keeper*, *game-laws*, *game-bag*); на базе этих сосуществующих значений образуются фразеологические единицы различной степени спаянности и употребительности (например, *game and glee*, *to play a deep game*, *the game's afoot* и т. д.). Все эти факты оказывают своепротиворечивое влияние на развитие трех названных значений слова *game* на протяжении многих веков. В результате в процессе речевой практики, взаимодействуя со всеми соотнесенными с ним элементами словарного со-

става английского языка, значение „охота“ постепенно устаревает, вытесняется словами *hunting, hunt, chase*; в настоящее время, как правило, словари современного английского языка даже и не отмечают этого устаревшего значения слова *game*. Напротив, *game* в значении „игра, развлечение“ и *game* в значении „дичь“ прочно входят в состав наиболее употребительных и широко известных лексических средств английского языка, в котором не сохранилось никакой осязаемой связи между этими двумя словами, исторически восходящими к одному источнику. Сейчас они относятся друг к другу совершенно так же, как относятся друг к другу русские *брак* „супружеский союз“ и *брак* „недоброкачественное изделие“».

Где проходит граница между полисемией и омонимией? Как избежать субъективного подхода и ошибок при решении этого вопроса в практической работе лексикографа? В ответ на этот вопрос читатели, откликнувшиеся на статью В. И. Абаева, высказывают верные, но неизбежно очень общие соображения. «До тех пор пока в сознании людей присутствует „ощущение“ связи между обозначаемыми словом явлениями, мы имеем дело с полисемией. С утратой этого мы получаем омонимы... Нужно знать, как воспринимает анализируемые явления большинство говорящих на данном языке, и из этого исходить. Это трудный, но наиболее плодотворный путь. Если между значениями одинаково звучащих слов, хотя бы и вышедших когда-то из одной точки, из одного понятия, так же мало в данное время общего (общих смысловых, ассоциативных связей), как между любыми другими словами; если между ними нет смысловых точек соприкосновения, которые говорили бы об общности, единстве их значений, мы имеем перед собой омонимы. Если же между значениями таких слов можно провести связующие их смысловые нити, а тем более подобрать к ним общие синонимы, то эти значения относятся к области полисемии слова» (С. М. Потапов)¹. «Получившее широкое распространение в нашей лексикологии положение о смысловой целостности единого слова логически вытекает из понимания слова как неразрывного единства внешней материальной и внутренней смысловой сторон. Провергнуть этот тезис невозможно, если понимать слово не только как определенный комплекс звуков, но и как известное мыслительное содержание. При этом возникновение самостоятельных одинаково внешне оформленных слов на базе развития и распада многозначности — не выдумка досужих теоретиков, а реальный языковой факт, находящий себе выражение в качественно иной способности двух слов образовывать свободные словосочетания, в различных показателях употребительности, в возникновении у этих слов иных соотношений по линии синонимии и антонимии и т. д. Лексикография современного языка, стремясь наиболее адекватным путем представить реально существующую смысловую структуру отдельных самостоятельных слов, не может не отразить факта существования независимых слов, звучащих одинаково и происшедших из одного источника. Всякие попытки „втолкнуть“ в словарную статью семантические единицы, противоречащие основному смысловому стержню слова и всей его смысловой структуре, на практике приводят к нарушению принципа возможно более точного отражения реальных соотношений между различными лексемами» (А. А. Нелюбов). Лексикографы должны «уделять больше внимания формальным, грамматическим моментам: синтаксической и фразеологической сочетаемости слов, фонетическому облику слов и др.» (Я. Г. Биренбаум). Нужно тщательно изучать историю слов, так, чтобы лексиколог мог «не просто констатировать разрыв смысловой связи, но д о к а з а т ь, что связь на-

¹ См. также С. М. П о т а п о в., указ. статья, стр. 226—227-

рушена, выдвинув определенные объективные критерии, свидетельствующие о нарушении смысловой целостности слова» (Е. И. Амосенкова). «Ошибки и произвол, имеющие место при выделении омонимов, возникших из полисемии, в некоторых новейших лексикографических изданиях, не могут дискредитировать самой плодотворной идеи их отдельного представления в описательных словарях, — пишет А. А. Неёлов. — Для того чтобы избавиться от этой распространившейся в последние годы путаницы, следует в каждом конкретном случае решать вопрос в пользу выделения омонима лишь после тщательного исторического изучения семантического развития рассматриваемого многозначного слова. Это можно было бы сделать путем постановки ряда смыкающихся между собой тематически диссертационных работ».
